

TGCOM24 – 10 марта 2013 года, 14.00

“ВОСКРЕСНЫЙ РАЗГОВОР”

**Интервью Алессандро Банфи с отцом Хулианом Карроном,
президентом Братства *Comunione e liberazione***

АЛЕССАНДРО БАНФИ. Я приветствую отца Хулиана Каррона, президента Братства *Comunione e liberazione*. Спасибо, что вы согласились встретиться с нами.

ХУЛИАН КАРРОН. Спасибо, мне тоже очень приятно.

В своей статье, опубликованной в газете «Ла Република», рассуждая о смысле поступка [Бенедикта XVI], вы называли его действием свободы – именно это слово стало ключевым в вашем комментарии. Не могли бы вы его пояснить?

Смысл мне кажется предельно простым: подобное явление, поступок такого масштаба нельзя истолковать, оперируя исключительно факторами, которые, казалось бы, находятся у его истоков, – мужеством, трудностями, ситуацией в Церкви. Ничто из перечисленного не объясняет радостного лица Папы. Когда я в последний раз смотрел на Папу и на его сияющее лицо, прежде чем закрылась дверь Кастель-Гандольфо, именно это было у меня в мыслях: мы можем интерпретировать происходящее как нам угодно, но его радостное лицо остается, и каждый из нас должен соотносить с ним свои объяснения и отвечать, способно ли хоть одно из них дать адекватное обоснование этой радости.

И тогда в чем же заключается подлинный смысл его поступка?

На мой взгляд, в том, что существует Некто, наполняющий сердце Папы, благодаря Кому из него обильно изливается эта радость, отражающаяся на его лице. Нам всем знаком подобный опыт, и он рождается не от стратегий, не от того, чего мы можем достичь вследствие собственных усилий или хорошо продуманной программы действий. Мы переживаем его перед лицом событий великих и настолько прекрасных, что они наполняют нас и озаряют сиянием наши лица. У истоков свободы всегда лежит полнота.

В то же время Ратцингера не назовешь чересчур эмоциональным человеком. Он сам как-то сказал о себе: «Я не мистик». Его путь был очень рациональным и интеллектуальным. И именно поэтому его поступку требуется сообразное объяснение, ведь он не из тех людей, которые способны принять решение подобного масштаба, не отдавая себе отчет в его значении и возможных последствиях. Он не тот человек, чтобы идти на не до конца осознанный поступок. Поэтому радость, о которой я говорю, нельзя свести до сентиментальности – ее начало глубинно, оно укоренено в глубине бытия. Поэтому я задавал себе вопрос: пришла ли кому-нибудь в голову мысль о том, кем для Йозефа Ратцингера, для него как личности, является Христос? Любой человек, знакомый с истинным опытом любви, увидит: жизнь становится полной не благодаря стратегиям, но

когда ты оказываешься перед лицом присутствия, которое внезапным образом тебя озаряет. Лишь отталкиваясь от исходного опыта жизни, мы можем понять исходный опыт другого. В противном случае мы остаемся на уровне наших истолкований и не смотрим на то, что находится у нас перед глазами. Если кто-то видит нас настолько довольными, что в нем пробуждается вопрос: «Что же с ним случилось?» – невозможно объяснить наше состояние лишь стратегиями или мужеством. «Почему ты сегодня работаешь с такой радостью?» – спрашиваем мы. – «Что случилось?» Что-то другое, Кто-то Другой стоит за радостью на лице твоего коллеги или друга.

Вы утверждаете: поступок Папы побудил Церковь к размышлениям о собственной природе, о самой ее сердцевине – об Иисусе Христе.

Совершенно верно. Именно это он нам и сказал. Вот только понять это можно исключительно в том случае, если люди, которые смотрят на действие Папы, обладают неким сходным опытом – только тогда они не сузят происшедшего. Мы способны понять опыт другого, когда тем или иным образом сами пережили нечто подобное. Иначе нам кажется, что мы понимаем, но в действительности воспринимаем события в урезанном виде и вынуждены их интерпретировать. Объяснить подобные факты можно, только если для человека Христос реален, если Он не плод воображения или самовнушения, если христианство не сводится к этике, не заключается в рамки некой организации, но является жизнью, как сказал Папа, в последний раз обращаясь к кардиналам: Церковь есть жизнь, непрестанно изливающаяся из присутствия Христа». Я понимаю, что для многих это не объяснение, ведь если вы не испытали на опыте реальность Христа, то кажется, что и объяснять с ее помощью ничего нельзя. Все это понятно. И только когда человек приобретает тот же опыт, что и те, кто Его встретил, признав: «Никогда мы не видели ничего подобного», – только тогда он способен понять то, что говорит Папа.

Но кроме того, в поступке Папы слышится некоторое стремление к обновлению, к переменам, к самореформированию Церкви.

Мне кажется, и в самом его поступке, и во всех словах, сказанных после отречения – о том, что такое Церковь и кто такой Христос, заключен не только призыв к обновлению, но и метод. Ведь если Христос не станет для нас Тем, Кем Он является для Папы, обновлению Церкви не помогут никакие стратегии; если мы не обратимся (не в том смысле, в каком мы часто используем слово «обращение», превращая его снова и снова в некое морализаторство), если Христос не станет для нас дороже всего остального, то обновление невозможно. Человеку присуще желание полноты, и, не обретая ее в присутствии Христовом, он начинает искать в других местах, все мы ищем ее где-то еще. Поэтому поступок Папы является не только призывом, в нем заключены также метод и путь для ответа на этот призыв, не имеющий ничего общего с морализмом. Так произошло при первой встрече, описываемой в Евангелии, – она содержала в себе ответ и путь. Когда первые двое учеников, Иоанн и Андрей, встретили Иисуса, встретили Того Человека, Его присутствие было настолько исключительным, что открывало для них путь. И именно поэтому на следующий день они отправились на Его поиски и потом до конца жизни принадлежали лишь Ему. Вопрос в том, понимает ли Церковь, что ее метод – самой стать присутствием, что каждый христианин призван являть собой такое присутствие, встреча с которым рождает в других желание вернуться на следующий день, чтобы вновь увидеть его, поскольку оно играет первостепенную роль для жизни.

Каковы, по вашему мнению, сегодняшние потребности Церкви?

Она нуждается в том, о чем говорил Святейший Отец, провозглашая Год веры: Церковь, как и каждый из нас в любой момент жизни, нуждается в том, чтобы вновь открывать, что же с нами произошло, когда мы стали христианами, вновь открывать этот факт как нечто поразительное, новое, притягательное для жизни. Ни одна из неполноценных форм христианства, столь распространенных сегодня, будь то определенная организация, этика, спиритуализм, не способна ответить всей полноте нашего «я». А когда полнота нашего «я» не находит ответа, мы ищем удовлетворения в других местах. Мне очень нравятся слова святого Фомы, которые удивительно точно обобщают эту мысль: «Жизнь человека состоит в связи с тем, что в большей степени его поддерживает и в чем он обретает наивысшее удовлетворение». Во всем, что нас привлекает, в какой-то момент мы обретаем удовлетворение, но затем в большинстве случаев оно иссякает. И единственный вопрос заключается в следующем: существует ли такое присутствие, удовлетворение от которого не только не истощается, но растет со временем. Потому что если нет, жизнь теряет смысл и мы узнаем себя в знаменитой фразе Элиота: «Где Жизнь, которую мы потеряли в жизни?» К сожалению, со многими людьми именно так и происходит. А христианский опыт предлагает иную возможность: живя, приобретать жизнь. И ты понимаешь, что это так, смотря на Папу – человека, который в своем возрасте не растерял жизни. По его лицу ты видишь, что он достиг полноты зрелости и, живя, приобретает жизнь.

Отец Хулиан, я задам еще один вопрос, возможно, банальный, но реалистичный. Каких качеств вы ожидаете от нового папы?

Мне кажется, это то, о чем мы говорим, – важно не то, чтобы у него имелись какие-то определенные характеристики. Он должен быть христианином, верующим, человеком, способным свидетельствовать о красоте Христа, как делал это Бенедикт XVI, а до него – Иоанн Павел II. На сегодняшний день вот главная проблема: в мире, полном смятении, представляющем для нас постоянную опасность, – люди нуждаются в том, чтобы найти гавань, в которой бросить якорь, им необходимо встретить что-то, действительно способное ответить. И для ответа недостаточно организаций или комитетов – нужен христианин, новое творение. Наверно, говоря так, я в очередной раз изобретаю велосипед, но ведь именно это мы все желаем обрести, увидеть перед собой: человека, который сопровождает нас в главном.

Вы процитировали Томаса Элиота. Ваш глубокоуважаемый предшественник, отец Джуссани, отвечая в одном из последних своих интервью на вопрос, сформулированной в еще одной знаменитой фразе английского поэта: «Это Церковь предала людей или люди предали Церковь?» – отвечал: «Произошло и то, и другое», – «Церковь стыдится Христа».

Да, в каком-то смысле это так. Спрашивается, почему мы стыдимся Христа? Потому что, не открыв Его для себя со всей нашей человечностью, не считаем, что предлагаем себе и окружающим самое великое из того, что у нас имеется. Когда человек дарит подарок, он дарит его с радостью, поскольку думает, что другому его подарок понравится, что он дарит лучшее из того, что у него есть. Но чтобы преподнести дар свободно и радостью, человек должен быть уверен в том, что этот дар есть благо для другого, а чтобы быть в этом уверенным, он должен убедиться, что и для него самого это благо. И потому вопрос всегда остается одним и тем же: что нам дороже всего? Потому что, если Христос для нас

не дороже всего – как говорил Соловьев, навряд ли мы сможем без стеснения предлагать Его другим. Те, кто пришли последними или вновь Его встретили, переполнены радостью от того, что они встретили, совершенно не стыдятся признаваться в этом и уверенно предлагают другим то, что для них стало открытием всей жизни, – как это происходило в самом начале и происходит сейчас в жизни тех людей, вновь открывающих для себя Христа. И важно, чтобы Церковь и каждый из нас, христиан, могли бы совершать это открытие вновь и вновь.

Последнюю свою речь, обращенную к Римской епархии, Ратцингер завершил словами: «Христос побеждает». В каком смысле истинно его утверждение?

Это метафизическая и экзистенциальная уверенность. Суть в том, что согласно замыслу, который не принадлежит нам, Христос побеждает в тех, кто Его принимает. Им он дает власть и могущество – не гегемонию, не способность контролировать других, не превосходство над другими и не обладание, а возможность завоевать наше «я», дойти до самой его глубины и привлечь нас настолько, чтобы сделать действительно своими. Вот в чем победа Христа. Без этого христианство не представляет никакого интереса ни для нас самих, ни для остальных.